

Корона Двух Миров

ЭНН НЕСБЕТ

Древо историй. Фэнтези для подростков (Эксмо)

Энн Несбет

Корона Двух Миров

«Эксмо»

2015

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Несбет Э.

Корона Двух Миров / Э. Несбет — «Эксмо», 2015 — (Древо историй. Фэнтези для подростков (Эксмо))

ISBN 978-5-04-247376-0

В деревне Лурка, названной так в честь магического инструмента, похожего на скрипку, девочкам строго запрещено прикасаться к нему до двенадцати лет. Когда Линни нарушает запрет, музыка уносит душу ее лучшей подруги в таинственную Даль. Чтобы спасти Сайру, Линни и ее друг Элиас отправляются в Разбитый город – место вечной борьбы между магами и учеными. Здесь магия сталкивается с технологиями, а древнее пророчество называет Линни избранной, которой суждено получить Корону Двух Миров и навсегда примирить два враждующих мира. Но когда лекарство для Сайры оказывается в руках безумного ученого, Линни предстоит войти в Даль и рискнуть собственной жизнью ради спасения лучшей подруги... Сможет ли она сделать выбор, который определит судьбу всего мира?

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-247376-0

© Несбет Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

1	7
2	11
3	16
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Энн Несбет

Корона Двух Миров

Всем, кто готов пойти на Равнину ради друга, и особенно Исе и Джейн

Серия «Древо историй. Фэнтези для подростков»

Anne Nesbet
THE WRINKLED CROWN
THE WRINKLED CROWN – Copyright © 2015 by Anne Nesbet

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Иллюстрация на обложке *Echoworks*
Внутреннее оформление *Варвары Дубровской*

© Е. Ю. Рыбакова, перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1

Никогда не прикасайся к лурке

Это был, возможно, самый последний день Линни – какая ужасная мысль, – но луг сверкал от солнечного света, и ничто не предвещало беды. В воздухе стоял аромат зелени, тепла с примесью запаха овечьей шерсти и чуть различимым духом помёта. Или, наверное, лучше сказать, что весь луг неуловимо пах овечьим сыром – овечьим сыром и сеном. Эгей!

Линни мотнула головой, чтобы стряхнуть паутину мыслей. Сейчас не время думать об овцах!

Завтра ей исполнится двенадцать лет, и детству придёт конец. Это не обычный день рождения, по крайней мере для девочки, живущей в Сморщенных холмах. Их ворота пропускают не всех. Даже Линни – которая однажды высосала змеиный яд из ранки на руке подруги и дерзко выплюнула его в мох, где он зашипел, как сало на сковородке, – даже храброй Линнет пришлось отмахиваться от раздумий о дне рождения, приближающемся с каждым звонким тиканьем часов на главной площади деревни – «тик-дзынь-так». Завтра ещё не наступило. Завтра ещё очень далеко.

И как непрестанное напоминание об этом, из деревни позади них раздавалось робкое нежное брнчание лурки, отчего у Линни щемило сердце.

Круглый животик, четыре струны, золотой голос – ничто не сравнится с луркой из Лурки.

Никто точно не знал, деревню назвали в честь инструмента или инструмент в честь деревни. Главное было в другом: если девочка хотя бы прикоснётся в детстве к лурке – даже нечаянно! даже если споткнётся об отцовский инструмент в темноте! – то в её двенадцатый день рождения явятся Голоса и унесут её душу Прочь.

– Ой, ну пойдём уже! – воскликнула Линни, дёргая за верёвку, которая связывала её и Сайру, неродных близнецов. – Уже поздно, а дел невпроворот!

Никто не знал, где именно находится место под названием Прочь, – где-то далеко за самой морщинистой частью самых высоких холмов, – но название не вызывало желания сбегать туда из дома.

«Отсюда туда не добраться и не вернуться назад тоже» – так любил повторять мельник. А он знал, что говорит: когда он был маленьким, Голоса забрали одну девочку.

От одной только мысли об этом Линни рассердилась настолько, что пнула землю, – и Сайра споткнулась. Это всё из-за пут. Причина и следствие. Всегда-то от них какие-нибудь неприятности.

– Не топай! – сказала Сайра, но засмеялась. – У тебя скоро день рождения! Ты должна быть на седьмом небе от счастья. Завтра ты сможешь бросить эти путы в ручей, если захочешь. Завтра ты будешь свободной.

В этом вся Сайра: она не упомянула, что и сама завтра освободится от пут. Может, она даже об этом не подумала, с неё станется (но Линни подумала об этом за неё). Нет, Сайра только собрала рассыпанные иголки и весело припрятала их.

– Так почему бы тебе не начать радоваться уже сегодня, зная, что завтра у тебя день рождения?

– Завтра! – ответила Линни. Она знала, что ворчит, но ничего не могла с собой поделать. – Если я ещё буду здесь, если не придут Голоса и не...

– Не пересказывай вслух эту легенду! – прервала её Сайра и вдобавок звонко шлёпнула Линни по руке. Здесь, высоко в Сморщенных холмах, где предания имеют обыкновение сбываться, нужно быть осторожной и не говорить лишнего. – Ничего с тобой не случится. В

деревне тебя защищают путы, к тому же со всех сторон её обступает лес. А завтра тебе уже не нужно будет ни о чём беспокоиться. Чудеса, как говорит моя мама. Чу-де-са!

Действительно чудеса, потому что уже сотню лет не рождалась в деревне такая музыкальная девочка, как Линни. Отец даже соорудил клетку над её колыбелью, хотя как могут железные прутья защитить младенца, жадного до музыки? Ах, но вся деревня любила Линнет и охотно принимала крайние меры, чтобы уберечь её от беды.

Вот почему она почти целыми днями была привязана к Сайре.

В Сайре не было страсти к музыке! Природа одарила её менее опасным талантом к игле и напёрстку, а ещё девочка отличалась сияющей улыбкой, зелёными глазами и лицом, которое то и дело приводило собеседника в растерянность, когда она в мгновение ока меняла выражение от добродушия до звериного оскала, и наоборот. И глаза при этом блестели и смеялись, блестели и смеялись – и так постоянно.

Линни и Сайра знали друг друга гораздо лучше, чем близкие подруги, поскольку Линни была привязана к Сайре с тех пор, как научилась ползать.

«Ты хорошая девочка, – говорили тогда взрослые Сайре, которая и сама в то время была совсем крохой. – Не позволяй своей подруге Линни приближаться к лурке. Мы все обещали уберечь её от несчастья».

Сайра действительно была хорошей девочкой, но, слава богу, не настолько. Сказать по секрету, иногда она отвязывала Линни и позволяла ей вольно бегать по лесу, и обе были счастливы, и никто никогда об этом не узнал.

– Завтра ты будешь свободна, как кролик! Подожди... постой минутку спокойно – у тебя тут нитка болтается.

Сайра ненавидела вылезшие нитки на одежде.

– Смогу свободно скакать по Лурке, – сказала Линни, делая гримасу. Пока Сайра отрывала нитку, Линни переминалась с ноги на ногу и недовольно думала о том, как станет бегать по деревне.

Насколько девочке было известно, Лурка – очень тесный мирок. Деревня, луга, лес, холмы. И каждый житель знал: если спуститься слишком далеко по холму – пройти мимо пограничных деревьев или вдоль многочисленных изгибов ручья, – то дороги назад никогда не найти.

Можно родиться в Лурке или случайно попасть в неё, но, если отсюда уйдёшь, по своей воле вернуться нельзя. Так гласила легенда. Очень редко в деревню забредал выбившийся из сил заблудившийся путник. Давным-давно так здесь появилась мама Линни, со стёртыми ногами, высотной болезнью и изумлением, но Линни никогда не слышала, чтобы кто-то ушёл, прогулялся за пограничными деревьями и вернулся.

– Не ворчи, – ответила Сайра. – Думаю, ты сможешь свободно скакать где хочешь. И заниматься музыкой, не подвергая себя опасности. Это должно принести тебе счастье! И кстати, я хочу сделать тебе подарок на день рождения! Знаешь, я сшила его своими руками, так что лучше не привередничай.

С помощью иголки, нитки и лоскутка ткани Сайра могла смастерить в буквальном смысле что угодно.

– День рождения у меня завтра, а не сегодня, – напомнила Линни.

– Мне приснилось, что не нужно ждать. Приснилось, что надо поздравить тебе накануне, – проговорила Сайра и взглянула на Линни своими зелёными глазами, изо всех сил стараясь не отводить взгляда. Но моргание и подёргивающийся уголок рта выдали её волнение.

Линни почувствовала, как в душе снова поднимается тревога.

– Всё равно завтра все будут суетиться вокруг тебя, а я и слова не смогу вставить, – добавила Сайра.

Девочки удобно уселись на своих любимых камнях на полянке высоко в Среднем лесу, куда, кроме них, никто никогда не ходил. Сайра достала мешочек с рукоделием и раскрыла ладони так осторожно, что Линни подумала, вдруг подарок живой – цыплёнок или лягушка.

Но нет, это был чудесный сморщенный (то есть волшебный) предмет: матерчатый пояс с вышивкой, запечатлевшей знакомые им обоим лесные пейзажи. Из кармашка посередине выглядывал яркий цветочный бутон, сшитый из лоскутков превосходной атласной ткани. Лучший на свете кушак с шелковистыми лентами, которые должны завязываться на талии.

– Ах! – в восторге воскликнула Линни. Её всегда восхищали вещи, созданные тонкими ловкими пальчиками Сайры. – Волк и змея!

Они уже трижды спасали друг другу жизнь. Однажды, когда девочки были ещё совсем маленькими, они столкнулись с поджарым голубым волком с огромными клыками, и Сайра забросала его шишками, заставив отступить. Взрослые потом пошли посмотреть, где это было, но не обнаружили никаких следов и строго-настрого запретили Линни выдумывать небылицы – в Холмах это опасно. В другой раз змея ни с того ни с сего вонзила зубы Сайре в руку. Об этом подруги никому не рассказывали.

А ещё на поясе изображалось дерево, с которого Линни упала, когда забралась наверх, чтобы выяснить размеры Холмов. Сайра снова привязала её к себе, взяла на руки и пронесла всю дорогу до деревни – слабая на вид девочка на деле обладала большой силой. И это было третье спасение.

– Тихо, глупышка, ещё не всё, – сказала Сайра, прищуривая глаза цвета листы. – Смотри: в честь твоего дня рождения я вышила нас с тобой.

Бутон, видимо, был сшит волшебными шёлковыми нитками, потому что, когда Сайра положила цветок на ладонь, он зарделся глубоким розовым цветом. (Мама Сайры устроила в доме комнату со стеклянными стенами, где маленькие шелкопряды плели свои удивительные коконы.) Ой! Бутон вдруг начал раскрываться, превращаясь в цветок красной розы. Линни от восторга захлопала в ладоши, но Сайра приложила палец к губам: и это ещё не всё. Роза потемнела, приобрела фиолетовый оттенок и, наконец, перевоплотилась в бабочку из шёлка, красивые крылья затрепетали – а на крыльях были вышиты разноцветными нитями движущиеся картинки. Девочка увидела, как она сама бежит под деревьями, крошечная Сайра склоняется над вышивкой, а рядом течёт ручей из стежков синих ниток; и ещё там были дом Сайры, и дом Линни, и даже младшие братья Линни, машущие тоненькими шёлковыми ручками. Потом бабочка сложила крылья, снова стала цветочным бутонем, и Сайра, сунув его в кармашек на вышитом поясе, положила в руку изумлённой Линни весь этот невероятный подарок – сотканную из шёлка песню с легендарным сюжетом.

Равных Сайре днём с огнём не сыщешь.

Мастерица обняла Линни.

– Хочешь спеть мне потихоньку? Мне кажется, это ни чуточки не опасно. Нет, нет, ладно. Смотри, как тебя потряхивает при мысли об этом. Тогда беги в лес, как всегда. Только будь осторожна!

– Хм, – произнесла Линни. Она и в самом деле чуть ли не тряслась от волнения, которое не могла прогнать.

– Ну правда: остался всего один день! Не приближайся к деревне, где лурка может привлечь тебя. Постарайся, чтобы тебя не поймали, и не заблудись, – произнесла наставления Сайра.

Она шутила: Линни никак не могла заблудиться в лесу. Это была одна из её личных чудесных способностей, не имеющая отношения к пылающей в ней страсти к музыке; Линни всегда точно знала, где находится. Другие дети унаследовали от одного родителя глаза, а от другого нос. Линни, со своими непослушными тёмными волосами, ничуть не походила ни на кого из родственников, но от отца ей досталась привычка напевать, а от матери – способность

ориентироваться в пространстве. Мама даже не любила называть это волшебством, потому что внизу, на Равнине, откуда она пришла, предметы, места и люди не сморщиваются, и совсем не волшебные белки (по словам мамы) там такие же серые, как камни, они никогда не меняют цвет и не мигают по желанию то сиреневым, то зелёным, как здесь. Линни трудно было представить, что белки могут иметь неизменный вид.

Линни уже пыталась объяснить Сайре, как ей живётся с таким талантом – неспособностью потеряться, – но это было всё равно что объяснить незрячему, что значит видеть. Большинство деревенских жителей, останавливаясь где-нибудь в Холмах, становились неловкими и беспомощными, растерянно оглядывались вокруг и не знали, куда идти дальше и даже откуда они пришли. Сайра, по наблюдениям Линни, тоже слегка пугалась диких мест. От этого в голове Линнет возникла ещё одна неприятная, холодная, как лёд, мысль: «Боюсь, ты больше никогда...»

Но она прикусила язык: казалось, эти слова что-то цепляли в глубине сознания и могли вытащить на поверхность то, о чём она на самом деле не хотела думать. Неудобное, колючее предчувствие: «Боюсь, ты больше никогда не пойдёшь сюда со мной, Сайра, как только необходимость в этом пропадёт».

Девочка подавилась воздухом и сумела выговорить: «Спасибо». Она погладила Сайру по гладкой макушке – самый быстрый и самый нежный способ сказать «До свидания» подруге с иглами в руках. Как можно скорее, чтобы колючая мысль не догнала её, Линни бросилась к лесному пологу. Такое поспешное бегство, конечно, помогло. Вскоре в голове пела на все возможные лады музыка, которой можно было заполнить эти последние свободные часы, – все вероятные вариации на тему «нарушить правила».

Потому что она провела всю жизнь, нарушая их. Разве нет? О да!

Даже если бы Сайра знала... но она не знает.

Линни забралась по знакомому склону Верхнего леса к складке в холме, где стояла старая каменная овчарня, храня свои тайны. Храня тайны Линни.

Сюда никто никогда не ходил. Никто не переступал через порог, как сделала сейчас Линни, не приближался к дальнему углу и не смахивал сено со спрятанного там деревянного сундука.

А это значит, что никто не знал, чем занималась Линни все эти годы, пока жители деревни из кожи вон лезли, чтобы защитить её от беды.

2

Опасная тайна

Всё началось с украденного топора, а дальше покатилося по наклонной. Воровство по мелочи продолжалось уже много лет.

Этот топор совершенно неслучайно был тем, которым отец срубил деревья для подмастерья Элиаса, – клён и кедр. «Дерево учится медленно, как мальчишки» – так любил говорить отец Линни. В деревне всегда был праздник, когда рубили деревья для подмастерья, – солнце, ветер и время излечат древесину, и через три-четыре года, когда мальчик будет готов начать работу над своей первой настоящей луркой, кленовые и кедровые клинышки будут ждать его, крепкие и приобретшие нужные качества.

Всё украденное Линни надёжно хранила в двух сухих старых ящиках. Она даже не поленилась потаскать у овец сено, чтобы засыпать им ящики, как будто кто-то мог подняться так высоко и вывести её на чистую воду.

Но – о, если бы! Забреди сюда кто-нибудь, он бы увидел старый сундук, перед которым Линни сейчас опустилась на колени и подняла крышку. Сундук, набитый разнообразными инструментами – шильями, рубанками, ножами, наждачной бумагой, – всё это пропало за последние годы из отцовской мастерской. А во втором, новом ящике, завёрнутая в кусок ткани и уложенная в древесные стружки и лоскуты шерсти, лежала вещь, к которой девочка никогда-никогда не должна приближаться, – иначе рок начнёт охоту на неё в её двенадцатый день рождения.

Да-да, именно лурка.

Вот что случилось с Линни. Она не только приблизилась к инструменту или украдкой коснулась полированной шейки. Совсем не так невинно! Нет, ей пришлось самой смастерить лурку.

Ты растёшь, зная, что тебе запрещено трогать единственную вещь, а потом идёшь и создаёшь её своими руками. Почему? Линни сто или даже тысячу раз думала над этим за работой, и каждый найденный ответ становился всё неубедительнее, когда она тщательнее размышляла над ним. Дело не в том, что она не боялась последствий. Хотя её мама пришла из Равнины, где люди насмеялись над проклятиями и зловещими пророчествами, Линни не смеялась, когда слышала предсказания о пришествии Голосов, забирающих девочек Прочь, – нет, сердце болезненно сжималось в груди. Порой ей даже казалось, что её рёбра сделаны наполовину из страха и только частично из костей.

Но Линни ничего не могла с собой поделаться – она сама должна была выстругать инструмент. И выстругала. Видимо, неумная страсть к музыке, с которой рождались в Лурке многие дети, полностью подчиняла девочку себе.

Саднящая зависть поселилась у неё в сердце с того дня, когда Элиас начал проводить время в мастерской отца Линни, – им обоим было восемь или девять лет. И тогда, и теперь девочка считала, что это несправедливо. Из всех детей именно она обладала подлинной любовью к музыке, к инструментам, к сочинению песен. Это её, а не растяпу Элиаса должны были обучать изготавливать лурки. И так далее и тому подобное – сердитые мысли сжимались в голове всё более плотными кругами.

И она стала бегать – или, вернее, рыскать, тоже кругами, кругами, около отцовской мастерской (куда ей, как девочке, – какая несправедливость! – заходить, конечно, строго запрещалось), высматривая щели в стенах или окнах, через которые можно было подглядывать за происходящим внутри. И она нашла их, и при любой возможности прилипала к ним, и таким образом научилась всему, чему могла, наблюдая, как отец обучает Элиаса выбирать хороший

клин дерева, с гладкой поверхностью и без сучков, переливающийся на срезе, как шёлк, когда напильник рассекает его, высушивать его и придавать ему форму. Из неё вышел очень хороший шпион. Если бы её обнаружили вот так, без пут, то немедленно лишили бы свободы; девочка хорошо это знала и потому проявляла крайнюю осторожность. Она заставила всех поверить, что интересуется только деревьями и прогулками в лесу. Ей удалось одурачить всех, даже Сайру. Но всё это время её по-настоящему увлекало только одно: лурка, которую она сейчас разворачивала и с такой любовью брала в руки.

Преыдушие многолетние попытки выстругать инструмент не увенчались успехом. Шейка искривлялась, потому что Линни неправильно рассчитывала нагрузку, или из-за небрежно нанесённого лака в дереве образовывалась дыра, или неопытные руки соскальзывали и расщепляли заготовку. На ошибках учатся, и, шныряя, как вороватая жадная тень, вокруг мастерской, Линни видела, что те же самые оплошности и даже хуже совершал Элиас. Но теперь наконец, в самый последний день своего детства, представьте себе, она держала в руках самую настоящую лурку. Фантастика! Верхнюю деку даже украшал нарисованный цветок льна с пятью лепестками – тайное напоминание о процессе создания и о создателе: лак изготавливался на основе льняного масла, а название растения слегка напоминало имя Линнет.

Последний из пятнадцати слоёв лака наконец-то высох, поэтому Линни взяла старые забракованные струны, которые втихаря таскала из мастерской несколько месяцев, и чуть дрожащими пальцами намотала их концы на колки инструмента. Это был волшебный миг. Девочка почувствовала, как деревянная дека напряглась, лурка ожила в её руках, пальцы ущипнули струны, настраивая инструмент, и упругие нити издали нежные звуки.

Линни даже сочинила в голове особую песню для этого случая – гимн в честь дня рождения удивительного инструмента, который ей наконец удалось принести в мир. «Будет трудно-вато», – сказала она себе, обнимая лурку, как положено, правой рукой, так чтобы левая могла перебирать струны. Но сегодня ей везло, и пальцы сами собой согнулись так же, как у отца, когда он исполнял любимые песни Линни. Играть оказалось ничуть не сложно.

Девочка отдалась на волю мелодии; это было похоже на карабканье вверх по лесистому холму: она чувствовала направление, в котором вела её музыка.

Когда Линни подняла глаза от инструмента, стояла уже середина дня, солнце низко висело на небе, в животе у девочки бурлило, голова кружилась. Но главное, что она смогла исполнить свою песню более-менее стройно. У неё получилось.

Догадайся она ненадолго остановиться и что-нибудь поесть, возможно, она бы ясно мыслила и не совершила глупость. Однако способность соображать затуманили изумление и гордость.

Девочка подумала: «Теперь кто-то должен услышать мою песню, иначе зачем я так старалась?»

Разумеется, это было невозможно. Как она сможет похвастаться перед людьми своей красивой луркой, если всё с ней связанное запрещено, нарушает правила и считается порочным? Но неуёмное, горячее и упорное желание спеть кому-нибудь с каждой минутой разгоралось ещё сильнее. Нетерпение затмило ей разум и не оставило места для трезвых размышлений.

Совсем утратив здравый смысл, Линни дрожащими руками завернула лурку в мягкую ткань, тоже краденую.

«Я буду очень осторожна, – подумала она. – Только покажу её Сайре. Только исполню ей песню».

Сайра ведь всегда любила песни Линни, правда? Порой одна дикая мысль полностью поглощает благоразумие.

Линни убрала рабочие инструменты в ящик, сунула лурку в свою торбу, где лежал несъеденный обед, и направилась к тому месту, где ждала её Сайра, вниз по течению ручья, который они называли Быстриной.

Было ещё светло, но солнце уже садилось, и в тени деревьев становилось зябковато. Глянув вниз с края оврага, девочка увидела на берегу ручья подругу.

«Сайра!» – чуть было не крикнула она, но слово застыло на губах. Сайра была не одна: рядом с ней сидел, обхватив колени, Элиас. Они как будто увлеклись серьёзным разговором. Линни вспыхнула от негодования. Ей никогда не нравилось, когда эти двое что-то делали без неё. А походы в лес без пут были секретом двух девочек. Элиасу явно не следовало об этом знать.

– Сайра! – окликнула наконец подругу Линни. Свой голос показался ей каким-то глупым и писклявым, отчего она разозлилась ещё больше. – Элиас! Почему ты здесь прячешься?

Две головы резко повернулись к ней, и выражения лиц не особенно обрадовали Линни. Элиас выглядел раздражённым и сердитым. И даже Сайра, хотя и просветлела, увидев подругу, определённо была понурой.

– Я прячусь? – с презрением почти выплюнул Элиас. – Это ты прячешься. Сколько часов ты разгуливаешь на свободе? И это в последний день! А Сайра...

Когда Элиас говорил в таком тоне, Линни хотелось исцарапать его. Но она заметила, что растяпа, вероятно, думает, будто преступление произошло только один раз.

– Оставь Сайру в покое, – перебила Линни. – Она не виновата. Это я её заставила.

– Линни, – сказала Сайра. – Пожалуйста, Линни.

Сайра ненавидела лгать. И ненавидела, когда ей лгут. Её глаза блестели предупреждением.

– А что это у тебя там? – произнёс подозрительный, навязчивый Элиас.

– Ничего, – ответила Линни. – Я хотела кое-что показать Сайре. Но теперь...

Но теперь к ней начал возвращаться здравый смысл. Нахмуренные лица, как брызги холодной воды, способны разбудить человека. В растерянности Линни развернулась и направилась было обратно в лес, но Элиас вдруг преградил ей дорогу.

– Нет, правда, что у тебя там?

– Я кое-что смастерила, – сказала Линни, стараясь обойти навязчивого мальчишку. В душе у неё сейчас горели два огня: страсть к музыке и старая тлеющая зависть. – Получше, чем можешь сделать ты.

– Ну конечно, – проговорил Элиас, с отворачиванием отворачиваясь. – Да что ты можешь сделать в лесу? Венок сплести? Нарисовать на желудях смешные рожицы?

– Элиас! – одёрнула его Сайра.

Она не отрывала глаз от лица Линни и, вероятно, прочитала на нём предчувствие катастрофы, потому что катастрофа определённо должна была разразиться. Пожар, полыхающий в груди Линни с удвоенной силой, рвался наружу, поглощая всё остальное. Внутри у неё уже не осталось живого места.

– Жёлуди! – воскликнула она. – Не смей меня! А что ты скажешь на это, Элиас? Мне довелось узнать, что ты так и не сумел сделать ничего подобного!

Она выхватила из торбы новенькую лурку и подняла её перед собой: наконец-то она может отомстить Элиасу за все дни, которые он счастливо провёл в мастерской её отца, куда Линни не было ходу только потому, что она девочка.

Он уставился на лурку, и кровь отлила от его лица, а потом снова прилила вместе с гневом, и он порозовел, как лосось.

Сайра приложила руку ко рту и побледнела.

– Где ты это украли? – спросил Элиас. – Положи. Ты что, свихнулась?

– Я ничего не крали, – ответила Линни. – Я сама её смастерила. Это моя лурка. И я умею на ней играть.

– Ох, Линни, – ужаснулась Сайра.

– Ты украли лурку! – крикнул Элиас. – Вот идиотка! Накануне дня рождения!

Линни овладело подобие помешательства.

– Ты просто завидуешь, – сказала она. – Потому что это хороший инструмент, и я сама его сделала. У меня ушло на это много лет. Ты только послушай!

Она один раз ущипнула струну, и божественный, сладкий, как мёд, звук повис в воздухе. Но взять вторую ноту девочка не успела – Элиас бросился к ней, и Линни пришлось увернуться и отступить на край оврага, чтобы мальчишка не дотянулся до инструмента. Она ясно видела, как блестят яростью и испугом его глаза под густой тёмной чёлкой, но в них мелькало и какое-то другое выражение. Он увидел лурку, услышал её певучий голос – и признал, что инструмент очень хорош. Линни прочитала это в его глазах, и горькое голодное чувство в её душе получило удовлетворение.

Элиас ещё раз попытался схватить инструмент, но Линни была меньше и проворнее – для девочки, которая вот-вот выйдет из детского возраста, даже слишком шуплой, – и сумела ускользнуть.

– Тебе её не достать! – воскликнула она. – Не надейся! Ты просто завидуешь, вот и всё!

Такая злость и необузданность в каком-то смысле даже веселили, но Линни уже знала, что, как только гнев утихнет, у неё останется очень тяжёлое чувство внутри.

– Какой кошмар, – произнесла Сайра. – Что скажет твой отец? Это всё я виновата. Он меня возненавидит и будет прав. Ах, Линни! Неужели ты не могла подождать всего один день?

Наступила тишина. Только журчала вода в ручье да в кустах на другом берегу тонко пела какая-то птичка. Линни невольно подумала, что после такой долгой работы над инструментом и правда могла бы потерпеть до завтра. Потом она обратилась мыслями к отцу, и на душу лёг камень. Конечно, он не мог возненавидеть Сайру. Никто не мог злиться на добрую и весёлую Сайру, которая была способна превратить комок ниток в маленького человечка, похожего на цаикаду.

Но действительно, что скажет на это её отец? Это была горькая мысль.

Все мечты, которые Линни лелеяла на протяжении многих лет, – как отец послушает нежную мелодию, исполняемую его невероятно талантливой дочерью на блестящей свежевывструганной лурке, и с гордостью и радостью воскликнет: «Ах, Линни!» – все эти мечты не имели никакого смысла сейчас, в предвечернем свете дня, в реальной жизни. На самом деле он...

Дальше мозг Линни отказался развивать мысль. Он просто замолк и замер, как упёртые овца или козёл.

– Нет, – проговорила девочка. – Отцу нельзя об этом говорить.

Сайра и Элиас посмотрели на неё, одна с грустью, другой... ну, если постараться, можно было бы назвать выражение лица Элиаса осуждением.

Повернувшись к мальчику с девочкой боком, чтобы они не видели, как дрожат у неё руки, Линни замотала лурку в ткань и бережно положила в торбу.

– Честно говоря, Линни, – сказала Сайра и с рваным вздохом вытерла внешней стороной кисти глаза, – такое впечатление, что ты всегда намеренно ищешь неприятностей.

Линни невыносимо было слышать расстроенный голос Сайры.

– И что, по-твоему, мы должны делать, если... – продолжала Сайра, – ...если несчастье придёт за тобой? Я всю жизнь буду винить себя. Потому что это я обязана была беречь тебя. Сейчас нас связывают не только пути. То, что случится с тобой, может случиться и со мной. У меня плохое предчувствие.

Линни растерялась, она не знала, как ей теперь себя вести. Она ощущала себя гнусной негодяйкой и даже готова была заплакать, глаза уже защипало – а Линни никогда, никогда не плакала. Она была слишком плохой девочкой, чтобы плакать.

К счастью, её спас Элиас – мальчишка презрительно фыркнул, и Линни захотелось ударить его, а это желание мгновенно высушило подступившие слёзы.

– Не волнуйся так, идиотка Линнет, – сказал Элиас. – Если Голоса придут за тобой, мы знаем, кто виноват: ты и больше никто. Так что вот. А сейчас, думаю, тебе лучше поскорее бежать домой. Твоя мама просила меня передать, что она ждёт тебя сегодня пораньше. Я искал тебя, но ты ушла в лес.

И Линни позволила Сайре снова привязать себя и отвести домой. Она не знала, что ещё говорить или делать.

Вся прелесть этого дня испарилась. А как только солнце исчезло за вершиной холма, внезапно похолодало. Линни обхватила себя руками, повернув торбу с луркой за спину, и они с Сайрой с довольно жалким видом побрели домой.

Этот день мог бы стать самым счастливым в её жизни, поскольку она совершила невероятное для ребёнка: своими руками смастерила настоящую поющую лурку. В любом другом месте она наверняка была бы на седьмом небе от счастья!

Но Линни жила в деревне Лурка, расположенной высоко в Сморщенных холмах, и уродилась неправильной девочкой.

3

Какой голос у рока

Линни сторбившись вошла в дом и обнаружила, что мама приготовила на ужин похлёбку и любимые дочерью клёчки. Ах, эти пышные клёчки, которые как будто поют во рту, когда за окном гуляет ветер.

Но даже вкусное угощение не могло в этот вечер заставить улыбнуться встревоженную дурным предчувствием Линни. Девочка потихоньку положила торбу в свой угол, и она лежала там, скрывая свидетельства её неслыханного и тяжкого проступка. Родители вот-вот узнают о её непослушности. Как они будут потрясены, когда увидят лурку! Линни так и представляла выражение ужаса на их лицах: этот навязчивый образ безнадёжно испортил вкус любимого блюда.

Она пришла в себя где-то в середине трапезы, когда поняла, что все четыре пары глаз смотрят на неё. Взгляды родных тоже были наполнены тревогой: даже близнецы, которые, как она только что заметила, тщательно вымылись для такого случая, выглядели взволнованными.

– Что? – нетерпеливо спросила девочка у всех сразу.

– Не надо огрызаться, Линни, – сказала мама. – Ты сидишь мрачнее тучи и думаешь, что никто ничего не заметит? Что с тобой случилось сегодня? Поссорилась с Сайрой?

Напускная беспечность в её голосе не могла замаскировать беспокойство, словно по тёмной стене слегка мазнули тонким слоем краски.

– Нет! – ответила Линни, но тут же сообразила, что это неправда. – Да, – проговорила она и насупилась ещё больше.

– Ах, – вздохнул отец. – И вы разошлись по домам, разругавшись, позволив какой-то чепухе портить вам настроение. Не надо так делать, Линни. Это всё равно что замазывать лаком мух.

Жена вопросительно взглянула на него. Она выросла в другом месте, где метафоры, связанные с изготовлением лурки, не проникли так глубоко в язык.

– Это значит, что перед нанесением следующего слоя лака нужно подождать, когда просохнет предыдущий, – объяснил ей муж.

«Пятнадцать слоёв», – подумала Линни, но стиснула зубы и не выдала своей осведомлённости.

– И удалить насекомых, если они прилипли. Иначе ты будешь просто замазывать мух. Понимаешь?

– Мух! Понятно! – ответила мать. – Думаю, ничего страшного, если подруги ссорятся. Такое часто случается. К тому же сейчас все так взвинчены из-за этих глупостей, связанных с двенадцатым днём рождения.

Мама всегда называла глупостями легенды, которые не одобряла, а может быть (закралось в душу Линни смутное сомнение), даже боялась.

Отец попытался возразить, но мама перебила его, встав и загремев тарелками, а потом шумно стала отправлять близнецов в постель.

– Завтра мы все успокоимся, – сказала она. – Наконец-то у тебя день рождения, Линни!

– Мы так долго его ждали, – добавил отец и дрожащей рукой отложил нож. Он даже не скрывал тревоги. – Наша дорогая, необузданная, вечно напевающая Линни – взрослая и вне опасности.

Близнецы, названные в честь деревьев, использующихся при изготовлении лурки, Клёном и Кедром (но с раннего детства известные как Клин и Кекс), забираясь по лестнице на чердак, вели глупый мальчишеский разговор:

– Взрослая! Может, завтра она будет выглядеть, ну понимаешь...

– Совсем по-другому...

– Непутёвой дылдой!

Смешки и шёпот.

– Вот ведь балбесы! – услышала Линни мамин голос, и этот обыденный эпизод её утешил. Но когда девочка тоже поставила ногу на перекладину, отец остановил её.

– Мы хотели посидеть сегодня с тобой подольше, – сказал он. – Расставим кресла у камина.

– Принесём одеяла, – подхватила мама, добавляя оживление к тонкому слою хорошего настроения. – Будет уютно.

Линни, однако, было не очень уютно, поскольку живот у неё скрутило. Торба, которую она бросила в угол, снова стала притягивать её взгляд, словно ожидала, когда девочка посмотрит на неё и выдаст себя.

Нечего и надеяться, что всё происшедшее останется секретом. Элиас, без сомнения, заложит Линни, а может, и добропорядочность Сайры возьмёт верх над её шаловливой натурой и заставит сознаться, что она отпускала подругу свободно гулять по лесу. Линни нахмурилась и стала грызть ноготь, ёжась под озабоченными взглядами родителей.

Минуты текли медленно, как древесный сок. Линни считала трещины в деревянных стенах. Она скосила глаза к носу, посмотрела на раздвоившуюся в свете огня руку, пошевелила прозрачными копиями своих пальцев, а время всё не двигалось с места.

Не только она испытывала неловкость. Отец то и дело елозил в кресле.

– Я хочу кое-что сказать тебе, Линни, – внезапно произнёс он. Отец был слишком серьёзным человеком. Девочке захотелось сбежать куда-нибудь подальше. – Извини, что нам пришлось так жестоко обращаться с тобой все эти годы. Это ненормально – привязывать детей друг к другу! Но знай, что мы это делали из любви к тебе, Линни. Мы должны были двенадцать лет оберегать тебя от музыки и всего, что с ней связано. Я понимаю, что это было очень тяжело...

– Но сейчас это уже неважно, – более весёлым тоном сказала мама. – Ещё пара часов, и мы наконец закончим все эти глупости, правда? Знаешь, я редко скучаю по Равнине, но в такие моменты...

– Ирика, – почти умоляюще перебил её отец.

– Нет, это надо проговорить! – возразила мать. – По крайней мере, какой бы сложной ни была жизнь у меня на родине, легендам там не придают столь важного значения. На Равнине никакой рок не грозит девочкам только потому, что они коснулись какого-то дурацкого музыкального инструмента. Болезни там лечат снадобьями, которые здесь никто не использует. Они действуют на организм и восстанавливают здоровье, если нужно. Существуют врачи.

Отец смотрел на неё в ужасе.

– Сейчас это не имеет никакого значения, – сказал он. – Главное, что мы здесь и через час откроем напитки, чтобы отпраздновать. Наша Линнет вышла из детского возраста, не коснувшись лурки, несмотря на то что страсть к музыке так сильно пылает в ней. Когда она родилась таким поющим ребёнком, многие сомневались, что её можно уберечь, – не прятать же всё время от неё инструменты.

– Хм, – произнесла Линни и случайно покосилась на лежащую в углу торбу.

Отец, скорее всего, и не заметил этого, но от мамы её взгляд определённо не укрылся.

– Что такое, Линни? – спросила она с тревогой. – Ты хочешь нам о чём-то рассказать?

– Но ты ведь не веришь во все эти легенды, правда, мама? В то, что девочка, даже если она случайно наткнётся на лурку...

Она не закончила – оказалось, что слова мамы про «все эти глупости» были почвой у неё под ногами, а сейчас по этой почве произошло землетрясение.

Отец старался сохранять спокойствие, но с отчаянием выдохнул.

– С тобой такое случилось, Линни? Ты что-то припоминаешь?

– Нет! – ответила Линни. Строго говоря, это нельзя было назвать ложью. Но страх, который девочка с таким трудом пыталась держать на расстоянии, начал осаждать её со всех сторон. – На Равнине людям лучше знать, правда, мама?

Мать поёрзала в кресле.

– На Равнине всё по-другому, – сказала она. – В том-то и дело. Тут, в Холмах, легенды управляют миром. Ты же знаешь. Здешние жители видят сову с хрустальным клювом и крыльями, роняющую в полёте замёрзшие капли, и говорят: «Кто-то снова рассказывает сказки о ледяных совах». Верно? На Равнине всё иначе, это уж точно. И иногда я действительно думаю, что легенды – это глупости. Но, с другой стороны, мне лучше всех известно, как они могут претворяться в жизнь. Взгляни на меня! Я пришла сюда в поисках девочки, такой же, как ты, и вот ты появилась на свет! Поэтому я вздохну с облегчением, когда завтра опасность минует и мы сможем жить дальше и забыть обо всём этом, забыть...

И на этот раз она даже не произнесла заветного слова. «Глупости». Под ногами у Линни, там, где совсем недавно была твёрдая почва, теперь осталась лишь тень. Это было жутковато.

– Итак, – подвёл итог отец, – я уверен, что мы все вздохнём с облегчением. Давайте не будем волноваться без необходимости. Все эти годы мы были так осторожны.

Сердце у Линни падало ниже и ниже.

– Линни, – обратилась к ней мама, – подумай, дорогая, очень внимательно, просто на всякий случай. Ты когда-нибудь, хотя бы слегка, даже по чистой случайности, пусть одним локтем, например когда ходила во сне или если кто-нибудь столкнулся с тобой на дороге, – ты когда-нибудь прикасалась к лурке? Не помнишь?

Услышав, как её разумная мама с произношением Равнины заговорила таким образом, Линни почувствовала, как в животе зашевелился страх. Она снова бросила взгляд на лежащую в углу торбу. Шарики страха начали ворочаться внутри неё, как кубики льда.

– Мама, папа, – прошептала она. – Вы будете меня ненавидеть.

– Ни за что, – в один голос сказали родители.

– Расскажи нам немедленно обо всём, – добавила мама. – Что ты сделала? Прикоснулась к лурке, или взяла в руки, или выпросила её у кого-то?

Это было всё равно что прыгнуть со скалы в ледяное озеро. Обратной дороги не оставалось. Линни даже не могла сейчас думать о том, что ей следовало сделать, или, наоборот, не следовало, или момент для правильного решения был упущен уже давно. Она неосознанно подошла к мешку в углу, вынула и развернула лурку и повернулась, встретив ошеломлённые лица объятых ужасом родителей, как раз в тот миг, когда часы на стене отсчитали последнюю перед полночью минуту.

– Я ничего ни у кого не спрашивала, – сказала девочка. – Не было необходимости. Это моя собственная лурка. Изготовленная моими руками. Я сама смастерила её.

В это самое мгновение на улице поднялся ветер, распахнул дверь в дом и со свистом влетел в комнату, так что в очаге поднялся фонтан искр и огонь потух, отчего всё вокруг погрузилось в зловещий полумрак.

В этом тусклом свете что-то было не так. Линни видела, как родители вскочили с кресел, слышала, как они с тревогой вскрикнули, но её сердце опутал, как ледяной удав, холод, и какое-то время она не могла даже пошевелить губами и закричать. Потом студёный воздух снова вылетел из комнаты и забрал с собой её дыхание. Как странно.

В пустоте, которую оставил ветер, зазвучали голоса.

Не те, что можно услышать, – это было бы не так страшно, – но отзвуки голосов, которые (девочка откуда-то знала) бормотали ей что-то злобное, насмешливое и горькое всего мгновение назад, уже затихли. Линни обнаружила, что стоит с луркой в руке, но обеими руками

отчаянно и неуклюже пытается закрыть уши, чтобы отгородиться от звуков, которых здесь нет, и от ужасных слов, которых никто не говорил.

Это было не эхо, поскольку эхо – это звук. Это было звенящее отсутствие чего-то находившегося там раньше, в невозможном предыдущем отрезке времени, – только лишь ощущение, будто всего секунду назад здесь раздался душераздирающий крик, прорезал воздух и исчез. Там, где только что звучали голоса, теперь господствовало молчание, и ничего хуже Линни никогда в жизни не слышала.

Сердце у девочки трепетало и стучало резкими толчками, и слух, напрягаясь, силился уловить то, чего нельзя различить обычным человеческим ухом. Комната погрузилась в полную тишину, но воздух дрожал несуществующими звуками. Призраками звуков.

Незримый чародей держал в кулаке эти молчаливые, отсутствующие голоса. Линни смутно знала, что родители тоже прижали руки к ушам, но не могла пошевелиться.

«Нас поглотил кошмар», – подумала она, но тут же осознала, что снова ощущает твёрдый пол под ногами. Это был знак того, что чары рассеиваются. Девочка повернула голову (ощепнение прошло), увидела пепельные лица родителей, которые одновременно повернулись к ней, и поняла, что оба уже не боятся, а испытывают облегчение, убедившись, что дочь никуда не делась.

– Линни! – воскликнула мать, словно издалека. – Что...

Но тут из другого конца деревни послышались уже не призрачные, а настоящие крики. Истошно кричали люди. Вой беды. Линни стала замечать, что происходит с ней и вокруг неё: её трясёт от холода, лурка зажата у неё в руке; отец, видимо, уронил стакан сока, потому что вокруг его ног растекалась лужа тёмной жидкости с осколками стекла. Вопль с улицы послышался громче. Линни холодными, как лёд, руками натянула потуже одеяло, которое всё ещё было накинуто на её плечи.

– Не может быть, – сказала она, и тут её затрясло не на шутку.

Она узнала этот голос. Это был плач матери, чьё сердце разрывалось на части. Произошло ужасное, ужасное, ужасное...

– Так значит, значит – они забрали Сайру! – произнесла Линни, наконец-то очнувшись.

Лурка выскользнула у неё из рук и упала на пол. Линни бросилась через комнату к двери и выбежала в прохладную ночь, в мир, где легенды, очевидно, воплощаются в жизнь самым худшим образом.

4

Я найду её!

Над деревней стелился тонкий туман, и сквозь него проглядывала круглая сияющая луна, так что карнизы, углы, стены, колодцы казались одновременно и более яркими, и более размытыми, чем обычно. Голыми ногами Линни чувствовала прохладную, плотно утоптанную землю. Словно во сне, она бежала одна по деревне посреди ночи к побитому непогодой коттеджу, где жила Сайра с матерью. Сколько раз она ходила по этой дороге? Сотни? Тысячи? Но одна – никогда.

Странно было выйти в деревню без Сайры, Линни как будто потеряла частицу себя. Честно говоря, она чувствовала себя уверенно без подруги только в двух местах: дома и в глубине леса. Но не среди этих домов. Линни даже слегка мутило: она на улице ночью, одна, и любой может увидеть её. Она привыкла красться и прятаться. Но теперь девочка летела по дороге, как призрак, как сплетня, как беда, и уже различала вдалеке нечёткую фигуру матери Сайры, согнувшуюся от горя около своего жилища, и слышала рыдания и причитания:

– Сайра! Доченька!

Разумеется, из соседних домов вышли жители. Одна женщина крепко обняла мать Сайры за плечи – это была добрая Моллин, мать Элиаса. Она шептала что-то бессмысленное, участливое, разрывающее сердце. Другие соседи столпились на крыльце и на пороге. Линни промчалась мимо скорбящей матери и взлетела по таким знакомым ступеням к двери, где кто-то поймал её, схватил за руку и грубо развернул.

– Это ты! – воскликнул Элиас. Он был лохматым, с выпученными глазами, как ребёнок в лихорадке (недавно близнецы сильно болели, и Линни знала, как выглядят симптомы). – Голоса забрали Сайру. Что ты здесь делаешь?

– Отпусти меня, – сказала Линни. – Мне надо войти в дом. – Но с запозданием она поняла, что он имел в виду, и не смогла больше произнести ни слова. Действительно, ей нечего здесь делать, если тут нет Сайры.

Они стояли в полутьме, глядя друг на друга несчастными глазами, и оба вспоминали, как накануне около Быстрины Линни положила руку на гладкую шейку лурки, желая похвастаться глупым (но таким красивым) звучанием инструмента. Оба знали, что Голоса должны были прийти за ней, а не за Сайрой, такой хорошей девочкой, которую любила вся деревня.

«Почему? Почему?» – вопрошали два жалких сердитых лица.

И вдруг так же пронзительно, как вой синего волка, так же остро, как ядовитый зуб змеи, Линни вспомнила, что вчера сказала Сайра: «То, что случится с тобой, может случиться и со мной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.